

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАБОТЫ 2010 г. В ИЕРИХОНЕ: ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ СООБЩЕНИЕ

Краткое описание работ экспедиции Института археологии РАН и Департамента древностей и культурного наследия Палестинской национальной администрации на участке РФ в Иерихоне в 2010 г. Экспедиция прояснила историю участка. Находки указали на его христианский характер. В византийский период здесь стояло монументальное богато украшенное здание. Его полы были устланы орнаментальными композициями из мозаики.

Ключевые слова: Византийская археология, археология Палестины, ранний исламский период, русские участки в Иерихоне, нумизматика, керамика, светильники, литургические сосуды, мозаики.

The information of the results of the exploration carried out by Joint Expedition of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences with the participation of the Department of Antiquities and Cultural Heritage of the Ministry of Tourism and Antiquities (PNA) at the land plot of Russian Federation in Jericho in 2010. The Expedition cleared out the history of the land lot. Finds point to the Christian character of the complex. In the Byzantine epoch (late 5th – early 7th c. AD) the plot was occupied by the monumental building. Its floors are carpeted by mosaic ornamental composition of stone cubes.

Keywords: Byzantine archaeology, Palestine archaeology, early Islamic period, Jericho, Russian land property, numismatic, pottery, lamps, liturgical vessels, mosaics.

Топоним “Иерихон” вызовет у историка культуры массу ассоциаций (рис. 1). Он хорошо известен по бесчисленным письменным источникам: Ветхому Завету, классическим авторам (прежде всего Иосифу Флавия), Евангелиям, текстам паломников (раннехристианским, а затем восточным и западным)¹. Не менее прославлено его имя и в археологии: для историка производящего хозяйства это одно из древнейших поселений городского типа, для античника – место дворцов семьи Хасмонеев и Ирода; историк арабской культуры не пройдет мимо уникальной скульптуры и мозаики омейядского дворца VIII в. Действительно, Иерихон – огромная агломерация археологических и художественных объектов, оставленных народами, населявшими Палестину на протяжении около 10 000 лет.

Византийские памятники в этом списке мало заметны. Хотя именно они охватывают территорию агломерации густой сетью, внимания им в XX в. почти не уделялось. В 1880–1890-х годах их изучение инициировали исследователи из состава Императорского Православного Палестинского общества (ИППО) и Русской Духовной миссии в Святой Земле (РДМ); в 1930-х годах археологи Службы охраны памятников Британского Мандата включили

¹ Беляев Л.А., Масиель Санчес Л.К. Иерихон // ПЭ. Т. XXI. 2009. С. 306–311.

в состав византийских древностей так называемый “собор” (считается, что этот храм упомянут Прокопием Кесарийским как странноприимный дом и храм Богородицы (De aedificiis. 5.9.1)² и очень известную синагогу с надписью “Мир над Израилем”; в 1950-х годах служба охраны древностей Израиля исследовала церковь IV(?)–VII вв.³ Позже велось только наблюдение и составлялись краткие обзоры вскрытий, при которых обнаруживались следы церковных построек, эпиграфические фрагменты и т.п.⁴

Сегодня, когда византийские древности Палестины занимают все большее место на общей археологической карте Византийской империи благодаря многочисленности, хорошей сохранности и доступности для исследования⁵, таким участкам, как Иерихон, следует уделить особое внимание. Тем паче, что в XIX в. совсем заброшенный город со второй половины XX в. и, особенно с начала XXI в., стал быстро развиваться, что наносит непоправимый ущерб прежде всего византийским слоям и объектам⁶. Молодая Палестинская Национальная Администрация (ПНА) мало интересуется памятниками раннехристианского и византийского периодов, сосредотачивая внимание на раннеарабском времени; для израильских археологов оно также не является одним из главных, хотя к развитию византийского направления сейчас стали прикладывать больше усилий.

В то же время, как хорошо известно, археология, история, искусство Византии в силу особенностей развития России образуют для последней зону совершенно особого интереса, и потребность в нашем археологическом присутствии в тех областях, где когда-то процветала византийская культура, очевидна и крайне велика. К тому же Россия имеет сейчас редкую возможность создать собственную школу византийской археологии на Святой Земле: здесь оживилась деятельность православных общественных (ИППО) и церковных организмов; все больший интерес к ней испытывает государство; наконец, в собственность России постепенно возвращаются казавшиеся навсегда утраченными земельные участки в Израиле и ПНА.

Все это вместе придает особое значение событиям 2010 г. в Иерихоне, где вслед за возвращением одного из участков и созданием на нем по распоряжению Правительства Российской Федерации Музейно-паркового комплекса были организованы первые более чем за столетие археологические исследования и открыта на их основе музейная экспозиция. Для этого Институтом археологии РАН, по заданию Управления делами Президента РФ,

² *Прокопий Кесарийский. Война с готами. О постройках.* М., 1996. С. 274.

³ *Baramki D.C., Kelso J.L. Excavations at New Testament Jericho and Hirbet en-Nitla: Joint Expedition of the Pittsburgh-Xenia Theological Seminary and the American School of Oriental Research in Jerusalem.* New Haven, 1955; *Foerster G. Jericho: Tell el-Hassan // NEAENL.* 1993. Vol. 2. P. 696.

⁴ *Augustinovic A. Gerico e Dintorni. Guida.* Gerusalemme, 1951; *Bagatti B. Ancient Christian Villages of Samaria.* Jerusalem, 2002 (SBF CM; 39). Первичный анализ топографии Иерихона византийского периода дан в отдельной статье, и здесь на нем я не останавливаюсь, см.: *Беляев Л.А. Проект “Византийский Иерихон”: работы 2010 г. и перспективы исследований // РА.* 2011. № 3. С. 71–85.

⁵ *Parker Th. The Byzantine Period: An Empire’s New Holy Land // Near Eastern Archaeology.* 1999. Vol. 62. N 3.

⁶ *Taha H., Qleibo A. Jericho: A Living History. Ten Thousand Years of Civilization.* Ramallah; Jerusalem, 2010.

была создана Совместная Иерихонская российско-палестинская археологическая экспедиции (руководители – автор статьи и д-р Хамдан Таха, ПНА) и подписан договор о научном сотрудничестве с Департаментом древностей и культурного наследия Министерства туризма и древностей ПНА.

На стадии подготовки работ, начатой задолго до раскопок в рамках РАН и ИППО, была сформулирована общая задача возвращения российской археологии в Палестину⁷ и суммирован материал по современной византийской археологии⁸. В 2008 г. при поддержке ИППО и МИД было проведено внешнее обследование участков в Иерихоне⁹ и опубликован обзор их истории в XIX – начале XX в.¹⁰

Так называемый Иоасафовский участок, на котором велись работы, в XIX в. недолго принадлежал афонскому монаху Иоасафу, а затем перешел в распоряжение ИППО (возвращен в 1995 г.). Еще в 1880-х годах здесь были обнаружены археологические памятники, а в 1891 г. Я.И. Смирновым (экспедиция ИППО под руководством Н.П. Кондакова) проведены раскопки, но графическая фиксация не сохранилась, а фотографии и описания рождали в основном вопросы, а не ответы (рис. 2)¹¹. Поэтому изучение оставленного раскопками котлована планировалось как особая исследовательская задача, к которой присоединилось обеспечение земляных работ при строительстве и сбор необходимых материалов для музейной экспозиции. Таким образом, работы 2010 г. с точки зрения методики можно рассматривать как научные, музейные, разведочные и охранные. Несмотря на ряд ограничений в возможностях исследования, сам размах работ (более 300 м² в трех главных раскопах и сотни квадратных метров траншей и малых раскопов) позволил прийти к ряду заключений и представить общую картину застройки участка, стратиграфию, хронологию, тип сооружений (рис. 3–4).

Раскопками был открыт ряд помещений, которые мы рассматриваем как части одного архитектурного комплекса. В их числе помещение (30 м², 5 × 6 м) с полом из белой мозаики (раскоп 1); небольшой зал (40 м², 5,80 × 7,0 м), неоднократно покрывавшийся мозаичным полом, в составе которого сохранилась часть полихромной мозаики (3,60 × 3,60 м), открытой в 1880–1890-х годах (раскоп 2); в тот же комплекс входила, возможно, зона большого двора (раскоп 4) с площадками, замощенными сырцом и камнем (местами хозяйственно-ремесленной деятельности) и крытым извилистым

⁷ *Беляев Л.А.* “Религиозная археология” в русской и зарубежной исторической науке // ППС. Вып. 100. 2003. С. 9–20; *Он же.* Традиция русских археологических исследований в Святой Земле // Там же. Вып. 105. 2007. С. 43–55; *Беляев Л.А., Бутова Р.Б., Лисовой Н.Н.* Археологические памятники русской Палестины по архивным материалам 1870–1910-х годов // РА. 2008. № 4. С. 46–57.

⁸ *Беляев Л.А.* Византия: византийская археология // ПЭ. Т. VIII. 2004. С. 232–252; *Беляев Л.А., Мерперт Н.Я.* От библейских древностей к христианским. Очерки археологии эпохи формирования иудаизма и христианства. М., 2007.

⁹ *Беляев Л.А.* Памятники византийского периода в Иерихоне: перспективы и результаты изучения // РА. 2009. № 3. С. 118–121.

¹⁰ *Бутова Р.Б., Лисовой Н.Н.* К истории русских археологических исследований в Иерихоне // РА. 2009. № 3. С. 153–161.

¹¹ *Смирнов Я.И.* Археологические разведки в Иерихоне на месте Палестинского общества, произведенные от 12-го до 21-го ноября 1891 г. // *Кондаков Н.П.* Археологическое путешествие по Сирии и Палестине. СПб., 1904. С. 137–142.

каналом-акведуком длиной не менее 16 м (внутри него установлен отлично вытесанный каменный фильтр с отверстиями), шедшим по фундаменту каменной ограды (двора?) (рис. 5).

Раскоп 4 дал более всего бытовой керамики и монет; помещения на раскопе 2 наиболее информативны с точки зрения архитектурно-художественной; раскоп 1 и общие наблюдения на участке позволяют представить возможную конфигурацию комплекса и судить о его стратиграфии. На основе материалов первого года работ комплекс выглядит хронологически однородным, и, хотя его элементы не раз перестраивались, ориентация основных стен, довольно точно привязанных к сторонам света, сохранялась. Фундаменты (ширина до 1,5 м) сложены из валунов (в верхних уровнях иногда использован сырец); кладка стен шириной от 65 до 100 см по фасадам образована блоками с тесаной внешней поверхностью и глинистые прокладки. В раскопе 2 на север от “зала” уходит еще одна комната с белым мозаичным покрытием, под которым ясно читается более ранняя капитальная стена с иной ориентировкой; с юга примыкает еще одна комната, в которой открыт бордюр второго цветного “коврика” (угловатая плетенка, имеющая бесчисленные аналогии в Палестине V–VII вв.). Вместе помещения раскопа 2 образуют род анфилады из трех комнат с внутренней шириной около 6 м, вытянутых в линию с севера на юг.

Под полами и стенами комнат и снаружи вдоль стен проложены акведуки: одна линия заканчивается резервуаром (более 1 м³ воды), вписанным в северо-восточный угол “зала”; вторая выходит за край раскопа в восточном направлении, там нужно ожидать резервуар или цистерну. В западную стену вмонтирован керамический сосуд для воды, к которому сверху когда-то подходила труба¹².

Хронология участка устанавливается на основе сборов керамики и монет, к счастью, многочисленных. Керамика (определения: Л.А. Голофаст) позволяет выделить как главный период активности на участке византийское и раннеарабское время. Из более 5500 фрагментов и целых форм сосудов значительную (до 30%) часть составляют неорнаментированные стенки простой гончарной посуды, которую трудно датировать. Остающийся материал распределен крайне неравномерно: менее 1% составляет позднееримская керамика, столько же – Раннее Новое время, немногим более (до 5%) посуды айюбидского и мамлюкского периодов. Подавляющее большинство фрагментов (64%) датируются от V/VI до VIII в. Это гомогенная группа, поскольку простейшие типы посуды переживают культурно-исторический рубеж арабского завоевания первой половины VII в. и статистически разделить эти эпохи сложно. Раннеарабская эпоха наследует византийские формы (особенно некоторые виды кухонных горшков, блюд, кувшинов), а именно эти формы, наряду с так называемыми мешковидными амфорами для воды или вина (“тарные кувшины”), преобладают в сборах. Общим для участка является крайняя малочисленность самых обычных для Палестины групп – позднееримских амфор (в том числе типа Газа), краснолаковой финикийской и африканской парадной керамики.

Дифференцировать периоды жизни на участке помогают типы посуды, характерные только для определенной культурно-исторической общности.

¹² Там же. С. 139.

Тунисская краснолаковая парадная посуда (конец IV – конец VI в.), хотя представлена слабо, включает широко распространенные в Византии типы, в том числе блюда со штампованными изображениями: “листья пальм и концентрические окружности” (середина IV – начало V в., стиль Aii, формы 67 и 104A); “бык” и “птица” (530–600 гг., стиль Eii, формы 93, 99, 101, 103 и 104 по Дж. Хайсу¹³. Легко выделить типы арабской эпохи: лампы с высокой “воронкой” (VII–VIII вв.), ранний сфероконус в форме плода граната (VIII в.), расписные кувшины конца раннеарабского или айюбидо-мамлюкского времени (VIII или XII–XIII вв.) (рис. 6).

Нумизматическая коллекция (более 200 экз.) подтверждает и уточняет хронологию. Среди монет (определения: до начала раннеарабского периода – В.В. Зайцев, исламский период – А.А. Гомзин) есть гораздо более ранние, чем порог, заданный керамикой: монеты Хасмонеев I в. до н.э. (Александр Яннай; Гиркан II) и Иудеи начала нашей эры (всего 8 экз.) и римских императоров II – конца IV в. (Марк Аврелий, Филипп Аравитянин, Максимиан Геркулий, Константин I и его семья и др.; всего 22 экз.). Таким образом, в целом “древний” раздел дает (без учета византийского клада) не менее 20% всего состава; если добавить и первые полтора века Византии, т.е. монеты конца IV – конца V в. (4 экз.), то почти четверть (около 23%).

После того, как реформа императора Анастасия I увеличила оборот медных монет, общее число их выпадения резко возрастает, и фоллисы начала VI – начала VII в. (Юстин II, Тиверий II Константин, Фока и др.) составляют 40% (60 экз.) даже без учета клада, состоящего целиком из них. Клад (54 экз.) – прекрасная подборка фоллисов примерно за сто лет, от Анастасия I до Маврикия Тиверия (Анастасий I, 491–518 гг. – 18 экз.; Юстин I, 518–527 гг. – 16 экз.; Юстиниан I, 527–565 гг. – 9 экз.; Юстин II, 565–578 гг. – 10 экз.; Маврикий Тиверий, 582–602 гг. – 3 экз., в том числе самая младшая монета клада, отчеканенная в 593/594 г.). Если учесть и клад, то доля последнего столетия правления Византии окажется близкой доле византийско-омейядской керамики – около 60%.

Монеты раннеарабской эпохи (21 экз.: VII в. – 13, VIII в. – 9 экз.) численно уступают византийским (в наших вариантах подсчета 5 или 10%). Намечается некоторое сокращение монет VIII в. в сравнении с VII в., а после VIII в. следует разрыв до XII в.; затем появляется несколько монет XIII–XIV вв. (эмира Алеппо ал-Азиза Мухаммада, 1216–1236 гг. и др.), после чего вновь наступает молчание, прерванное только в позднеосманскую эпоху.

На активность монетного обращения в VI–VII вв. указывает и находка двух бронзовых гирек-эталонов с инкрустированными серебром монограммами. Одна из них весит 13,2 г, т.е. близка к половине унции (13,6 г – вес трех золотых номисм, или солидов), и несет монограмму “IB” с надчеканкой “Г” (ее инкрустация утрачена), вписанную в круглый веночек, отлитый вместе с гирькой. Необходимо дальнейшее исследование этого экземпляра – ведь гирьки ранневизантийского периода до сих пор просто собирали, далеко не

¹³ Hayes J.W. Late Roman Pottery. L., 1972.

всегда понимая их весовые соотношения и связь монограмм с весом. Другая гирька в одну номисму (4,55 г) обозначена буквой “N”¹⁴ (рис. 7).

Керамическая и монетная коллекции, однако, мало добавляют к функциональной интерпретации комплекса. Впрочем, явное преобладание кухонных форм и тарных сосудов для воды указывает на жилое и хозяйственное использование, так же, как изобилие находок каменных приспособлений для размалывания зерна и растирания иных растений. Это простые ручные мельницы с двумя жерновами; сложные мельницы римского типа из вулканической породы с приводом для животного (осла); крупные (более полуметра высоты) стационарные ступки, толстые портативные ступки-чаши с треугольными ручками и совсем небольшие ступки для домашних нужд (все – из мрамора или других твердых пород известняка); пестики из черного базальта (почти круглый курант и Г-образный пест). К тому же кругу изделий, возможно, относится небольшой таз черного базальта (лутерий?), заполированный по дну, стенкам и срезу венчика; слив и три ручки размещены снаружи крестообразно (рис. 8).

Кое-что можно извлечь и из наблюдений над постоянно встречающимися архитектурными деталями (рис. 9). Их учтено более 50, и, хотя все переложены или вторично использованы в кладках, нужно иметь в виду, что подавляющая часть комплекса еще не вскрыта, а Я.И. Смирнов описывал стоявшие колонны¹⁵. Собранные детали также принадлежали колоннадам зданий или улиц. Стволы группируются по трем базовым диаметрам: 0,9–1,0 м; 0,6 м; 0,30–0,37 м; им отвечают капители нескольких типов и размеров (примитивные ионические трех видов; маленький фрагмент коринфской и др.) и базы. Есть базы чисто тесаные, с классическим профилем, и упрощенные, но больше всего абсолютно примитивных, рассчитанных на обмазку. Интересны: фрагмент архитрава портала с мелкими овами; нижний угловой камень портала с сухим дробным профилем (примитивная база фланкирующей полуколонны или филенки); колонна с раннеарабским граффито (два имени) на срезе барабана.

Широкое использование колонн и, особенно, цветные мозаики указывают на общественный, возможно, религиозный, характер комплекса: мозаики церковей составляют более половины всех известных в Палестине (в то время как частные дома, бани и гробницы вместе только до 15%).

Жители раскопанного участка были христианами: уже в XIX в. при раскопках нашли бронзовые кресты, часть порфировой чаши с вырезанным крестом и т.п.¹⁶ Давние находки поддержало обнаружение двух редких образцов церковного литья (небольшой “клад”?) в слое засыпки на прирезке к раскопу 2, включающем следы пожара. Это полусферическая кадея с тремя ножками и тремя цепями, имеющими крестики с кружками на углах расширенных ветвей (типичная для региона¹⁷) рис. 10, и очень большая (на 300 г масла) лампа с ручкой из спиралевидно закрученных побегов (рис. 11)

¹⁴ *Manns F.* Some Weights of the Hellenistic Romans and Byzantine Periods. Jerusalem, 1984. P. 40; *Bendall S.* Byzantine Weights. An Introduction. L., 1996. P. 8 (за указание на последнюю работу благодарю П.Г. Гайдукова).

¹⁵ *Смирнов Я.И.* Археологические разведки... С. 137–142.

¹⁶ Там же. С. 142.

¹⁷ *Cradle of Christianity / Ed. Y. Israeli, D. Mevorah.* Jerusalem, 2000. P. 101.

(точного аналога пока не найдено, но общее соответствие типам церковных ламп на подставках несомненно: ср. набор христианских ламп IV–VI вв. в соборании Эрмитажа¹⁸ и Музея Израиля¹⁹. Церковной утвари изначально было на участке еще больше, так как на фотографии 1880-х годов в соборании ИППО (сейчас в Музее истории религии, СПб.) среди изделий из металла показаны еще одна бронзовая лампа, три подставки-канделябра для таких ламп и кадилница.

Среди широко распространенных керамических ламп со штампованными христианскими греческими надписями и крестами (рис. 12) – исключительно христианские лампы (насколько можно судить как по второй фотографии из соборания ИППО, так и по находкам XIX в.). Штампы “с крестом и сиянием” встречаются во второй половине IV – середине VI в., а штампы с греческой надписью наследуют им с середины VI в. по конец VII в. Круговые штампованные надписи хорошо изучены; они передают начало вечерней молитвы (“Свет Христов просвещает всех”) с обычными сокращениями и частыми искажениями²⁰. На нашей лампе читаются по кругу слева направо буквы: ΦΩΣΧΥΦΕΝΙΠΑΣΙΝΕ[Ω?][?], что раскрывается как “φῶς Χριστοῦ φαίνει πάντων [...]”.

Христианские мотивы пронизывают и цветную мозаику (рис. 13–14). Правда, ее сложная композиция принципиально не изобразительна. Это изошренно сплетенный циркульный орнамент, охваченный венком традиционной плетенки и с зигзагами “под мрамор”. В нее включен набор символов, хорошо известный христианскому искусству: разные формы креста, вплетенные в растительный орнамент, и устойчивые евхаристические символы (виноградная лоза с гроздьями, цветок граната). Хронологически мозаика соотносима с одной из поздних фаз активного обживания участка, поскольку входит в состав предпоследнего “ремонтного” пола, которому предшествует по меньшей мере еще один или несколько.

Типологически мозаика принадлежит к кругу достаточно дорогих, хотя и далеких от роскоши образцов: использован камень семи–восьми цветов; для выкладки полихромной части потребовалось не менее 150 тыс. тессер (плотность 110 тессер на дм²) небольшого размера (до 1 см), уложенных по тщательной подготовке общей толщиной от 20 до 45 см: в глиняную подготовку утоплен слой крупной, плотно подогнанной гальки на ребро, поверху пролитый бетоном с включением толченой керамики, а по бетону – тонкими слоями чистого раствора. Тессеры вставлены в особый верхний слой, напоминающий гипс. Композиция имеет аналоги в полах храмов к западу и востоку от р. Иордан, датированных при открытии периодом от V до VIII в., например, в Мареше²¹, Герасе (535 г.), Deir es-Smadiyah (район Пеллы),

¹⁸ Залеская В.И. Памятники византийского искусства IV–VII веков. Каталог коллекции ГЭ. СПб., 2006. № 212–222.

¹⁹ Cradle of Christianity. P. 107.

²⁰ Loffreda S. Lucerne byzantine in Terra Santa con iscrizioni in greco. Jerusalem, 1989 (сводка); *Idem*. Light and Life. Ancient Christian Oil Lamps of the Holy Land. Jerusalem, 2001 (обобщение); Magness J. Jerusalem Ceramic Chronology circa 200–800 CE. Sheffield, 1993 (типология ламп как керамических изделий).

²¹ Klöner A. A Byzantine Church at Maresha (Beit Govrin) // Ancient Churches Revealed. Jerusalem; Washington, 1993. P. 260–264.

а также в общественных банях в Гадаре²² и других, более ранних памятниках с конца IV в.: самарийской синагоге на Хирбет Самара (в Палестине мастера работали для заказчиков вне зависимости от конфессии) и, особенно, в монастырской церкви в Шилохе. Ее мраморовидные заполнения углов, огромная циркулярная композиция из сцепленных кругов и ромбов, амфоры с побегамии лозы, конечно, выполнены гораздо точнее, искуснее, богаче, но в схеме комбинации очень сходны.

Учитывая все данные, кажется, осторожнее предложить дату для мозаики Иоасафовского участка на основе статистики находок и ограничить ее концом V – первой половиной VII в., “резервируя” более ранние даты для нижележащих уровней.

Итак, раскопками затронуты части довольно большого сооружения, комфортабельного и престижно оформленного, состоявшего из многих помещений и существовавшего не менее 150–200 лет. Вполне вероятно, что дальнейшее исследование подтвердит представление о нем как о христианском (на участке не обнаружено признаков исповедания его обитателями Закона Моисея или ислама) аграрно-религиозном комплексе, возможно, монастыре со странноприимным домом и обширным хозяйством. Сплошная периметральная застройка с внутренним двором и эксцентрично поставленным храмом – распространенный в Палестине тип монастырей и усадеб. “Двухслойная” хронология, включающая последние 200 лет раннехристианского периода (середина V – середина VII в.) и первые века исламского правления (с середины VII до начала IX в.) очень типична для Телль-Хасана – других вариантов он, собственно, пока не предлагает, хотя нужно ожидать, что по крайней мере часть современного Иерихона была хозяйственно освоена уже с конца I тыс. до н.э. для снабжения продуктами земледелия дворцового хозяйства Хасмонеев и семьи Ирода.

Раскрытый комплекс следует считать значительным, так как скромные монастыри того же периода, хотя сходны по набору вещей и конструктивным приемам, по площади сильно уступают, не имеют мозаичных полов и дают гораздо меньше находок. Так, полностью раскопанный в 2003–2004 гг. Хирбет-ас-Суйяг (15 км западнее Иерусалима, иудейская часть Шефелы) занял площадь не более 2000 м² (базовый размер 30 × 60 м) и дал всего 50 монет²³. Крупные же монастыри были в 3–5 раз больше и отстраивались постепенно, на протяжении одного–двух веков (общая площадь монастыря Мартирия в Маале Адумим, не самого крупного – 10 000 м²). Работы на Иоасафовском участке пока затронули только малую часть построек: в стороны от комнат с мозаиками уходят новые помещения (рис. 15), а некоторые траншеи натолкнулись на мозаичные (в том числе бело-черные) покрытия. Мы предполагаем его изначальный размер, оценивая зону между раскопами 1 и 2 и учитывая данные наблюдений, как близкую 5000–6000 м².

²² *Piccirillo M.* Chiese e mosaici della Giordania settentrionale. Jerusalem, 1981 (SBF CM, 33). Fig. 30. Tav. 7. Fig. 7. Tav. 8. Fig. 18. Tav. 20–22.

²³ *Taxel I.* Khirbet Es-Suyyagh. A Byzantine Monastery in the Judean Shephelah. Tel Aviv, 2009 (Salvage Excavation Reports, 6).

В проект 2010 г. вошли не только раскопки, но и организация первой экспозиции музея²⁴. Она была составлена менее чем в два месяца и включила находки, сделанные на участке (до 300 экз.); десятки архивных, натуральных, кабинетных (макрофотосъемка мелких объектов) фотопланшетов; близкую к подлинному размеру реконструкцию полихромной мозаики; интерактивную программу для сенсорного экрана и др. Обильное текстовое сопровождение (экспликации, этикетаж, буклет) готовилось на трех рабочих языках экспедиции (русском, арабском и английском)²⁵. 18 января 2011 г. Музейно-парковый комплекс, включая музеефицированный раскоп и экспозицию, осмотрел Президент Российской Федерации Д.А. Медведев и председатель Палестинской Национальной Администрации Махмуд Аббас.

Полевые работы 2010 г., по сути дела, только завершают этап, начатый больше столетия назад архимандритом Антонином (Капустиным) и Я.И. Смирновым: теперь объекты обмерены, сфотографированы, частью интерпретированы; находки прошли каталогизацию и выставлены в музее; готовится фундаментальная публикация материалов²⁶. Российская археология начала новое движение в Палестину, на тесной археологической карте которой ей как будто специально оставлено место. Византийский Иерихон – широкое поле для исследований, главная часть которых, конечно, впереди. В ближайшем будущем экспедиция планирует музеефикацию полихромной мозаики (ее сохранность менее 50%, поверхность крайне неровная из-за подстилающих стен) и продолжение раскопок, для чего при благоустройстве участка зарезервировано около 500 м². Сформировать на основе Иерихонской экспедиции и Музейно-паркового комплекса базу дальнейших исследований, обеспечить развитие инициативного проекта ИА РАН “Византийский Иерихон” – насущная и теперь уже исполнимая задача нашей науки.

²⁴ К работам была привлечена студия дизайнера “Театр архитектурной формы” (ТАФ) в лице ее руководителя, профессора кафедры “Дизайн архитектурной среды” Московского архитектурного института Александра Ермолаева и художника-дизайнера Сергея Садовски.

²⁵ *Беляев Л.А.* Византийский Иерихон. Археологические открытия на участке Музейно-паркового комплекса. М., 2010.

²⁶ Считаю приятным долгом поблагодарить коллег, оказавших серьезную помощь экспедиции: главного научного сотрудника Института истории РАН Н.Н. Лисового, постоянно консультировавшего нас по истории русского присутствия в Палестине; израильского археолога Яну Чехновец, неоднократно консультировавшую нас по вопросам археологии византийского периода; директора издательства “Индрик” К.А. Ваха, щедро поделившегося с нами собранными фотоматериалами по теме “Русская Палестина”; известного фотохудожника Константина Лейфера, выполнившего значительную часть протокольной фиксации. Крайне существенной для успеха проекта была поддержка директора ИА РАН, чл.-корр. РАН Н.А. Макарова, неоднократно выезжавшего в Иерихон на ключевых этапах исследований.